

Анастасия Вербицкая

Вечеринка

Анастасия Вербицкая

Вечеринка

«Public Domain»

1902

Вербицкая А. А.

Вечеринка / А. А. Вербицкая — «Public Domain», 1902

«Петр Николаевич встал с левой ноги, по выражению Софьи Сергеевны, и вышел к утреннему чаю желтый и суровый. Прежде, этак лет десять назад, Софья Сергеевна от одного взгляда на брюзжащую мину супруга пришла бы в негодование, но теперь она хладнокровно спросила его, слегка цедя сквозь зубы, альтовым голосом:— Мяса хочешь?...»

Содержание

I	5
II	10
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Вербицкая

Вечеринка

I

Петр Николаевич встал с левой ноги, по выражению Софьи Сергеевны, и вышел к утреннему чаю желтый и суровый. Прежде, этак лет десять назад, Софья Сергеевна от одного взгляда на брюзжащую мину супруга пришла бы в негодование, но теперь она хладнокровно спросила его, слегка цедя сквозь зубы, альтовым голосом:

– Мяса хочешь?

Прежде он обыкновенно отвечал: «не хочу»... Его катаральный желудок не переносил этих утренних бутербродов, которые так любила его жена.

На этот раз рот Петра Николаевича скривился в ядовитую улыбку:

– Тринадцатый год изо дня в день слышу этот неизменный вопрос... И неизменно отвечаю «нет»... Сколько еще лет впереди вы намерены меня угощать холодной говядиной по утрам?

Софья Сергеевна чуть-чуть покраснела. Но ссориться ей не хотелось. У неё были «планы»...

– Чудак!.. О нем же заботятся, а он злится...

– Хороши заботы!.. – фыркнул Петр Николаевич. – За тринадцать лет почти не изучить моих привычек... Это равнодушие, сударыня, полное игнорирование моей личности, да-с...

– Не свои слова говоришь... – процедила Софья Сергеевна, хладнокровно прожевывая бутерброд.

Он не слышал, к счастью... С засверкавшими глазами он продолжал:

– Не далеко примера искать... это что-с?

Он шелкнул сухим длинным пальцем по облезлой, залитой салом клеенке, которая заменяла чайную скатерть.

– Это грязь, мерзость... трактир... Прошу из года в год... не могу допроситься... Подумаешь, белья нет...

– А прачка?.. – зычным раскатом пронесся голос Софьи Сергеевны. – Ты сосчитай, сколько на прачку идет... Разве напасешься белья с этими поросятами?

Она кивнула на присмиривших детей, из которых двое уже облили молоком клеенку.

– Э, да что говорить, разве с тобой столкнешь... Вот вчера весь день отравила нафталином... Голова болела весь день... Двенадцать лет твержу, что не выношу этого запаха проклятого... Нет таки... Упряма, как черт... Задыхаешься каждую зиму...

– А чем от моли спасаться?.. Ты научил бы... Че-ем?..

– Все равно... мошь все подъела... С таким неряшеством, как у нас...

– Нет, ты просто рехнулся... Какая тебя муха укусила нынче, Петр Николаевич?

– Не муха, а семья, матушка... Вот вы где у меня сидите...

Он хлопнул себя по затылку. У Софьи Сергеевны задрожали губы, но она сдержалась. Он тоже поспешил спрятаться за газету. Глаза его прыгали по строкам, ничего не видя. Ему уже было стыдно перед детьми за этот взрыв раздражения... Но наученный долгим опытом, он подозрительно отнесся к кротости супруги. Это грозило разговорами о деньгах.

Он не ошибся. Улучив минуту, когда жена пошла в спальню, он наскоро надевал пропахшую нафталином шубу, мечтая незаметно улизнуть. Но Софья Сергеевна застала его в тот момент, когда он влез в ботинки. Она всплеснула руками.

– В котелке!.. в этакую вьюгу... Ты с ума сошел, Петр?.. Я тебе зимнюю шапку нарочно достала...

– Сама носи ее, сделай одолжение... И так уж задушила нафталином... Благодарю Бога, что я в драповом пальто не выхожу из-за твоего упрямства дурацкого...

– Простудишься... насморк схатишь... ведь уж зима на дворе...

– Вините себя, сударыня... никого, как себя...

Он уже выходил. Она поймала его за рукав старенькой енотки.

– Pierre... – ласковыми низкими нотами заговорила она, любовно глядя на него своими красивыми серыми глазами. – Pierre, мне нужны деньги...

Он беспомощно заморгал.

– Деньги... Какие деньги?.. Откуда?..

– Ах, Боже мой, ты забыл, что у нас в четверг жур-фикс?..

– Вот тоже... Есть у меня время о таком вздоре думать... – вспыхнул Петр Николаевич. – Твои затеи... не мои... Я тебе дал деньги все сполна двадцатого... Какого еще рожна...

– То двадцатое, а нынче первое... Сам знаешь... жалованье прислуге... туда-сюда по лавкам отдашь, пустяки остаются. Дай хоть пятьдесят рублей... Не могу же я твоих инженеров битками накормить...

Он вырвал свой рукав и стал спускаться по лестнице.

– Петр, оглох ты или рехнулся?.. – крикнула Софья Сергеевна, подождав секунду.

Тяжелые ботинки Иванова стучали по каменным ступенькам. Фигура его уже исчезла из вида.

Она ждала. На щеках её выступили розовые пятна.

– Вот подожди... Украду из банка и принесу тебе... Больше мне взять негде, чтоб вас содержать прилично... – донесся до неё снизу задыхавшийся от бешенства голос.

Дверь гулко хлопнула.

Софья Сергеевна пожала пышными плечами и вошла в квартиру. Что деньги будут, она не сомневалась. Вопрос в том, сколько он ей даст на этот раз? За последнее время (Господь его знает отчего) Петр Николаевич все чаще вставал с левой ноги и брюзжал, отравляя жизнь себе и жене. И как ни была флегматична Софья Сергеевна, семейные размолвки стали учащаться, обостряя отношения супругов. Конечно, они мирились потом, но в душе у обоих оставался осадок горечи.

«Утомляется... Тоже ведь не машина», оправдывала мужа про себя Софья Сергеевна. Она ценила, что муж не изменяет ей, не кутит, не пьянствует, как другие.

«Идеальный батрак»... – язвила сестра Анна, сама много выстрадавшая от дон-жуанства красивого мужа.

Как бы то ни было, на лицо был факт, что самолюбие Софьи Сергеевны порядочно-таки притупилось за тринадцать лет супружества. Случись такая сценка в первые годы, вскоре после того, как она – стройненькая, беленькая гувернанточка, устав мыкаться по чужим домам, радостно вышла за безумно влюбленного Петра Николаевича, – о, она показала бы ему!.. И не раз она устраивала супругу великолепную истерику... Ей это даже нравилось... Она ничего не имела против этих встрясок, разнообразивших жизнь...

Беда была в том, что страсть Петра Николаевича что-то уж очень скоро испарилась. Через каких-нибудь два года она исчезла бесследно... Ее сменила глубокая привязанность к детям. Желу он тоже сильно любил, но характер его портился. Явилась требовательность, раздражительность. Даже ласковость исчезла. Они редко разговаривали по душе, а потом уж ни о чем интимном не говорили, ограничиваясь одними мелочами домашнего обихода... Дрова вышли... У Сережи животик болит, доктора надо... Пора Наде на шубку новую дать... Мясо вздорожало безбожно. У Евтихьевых опять скандал... она кухарку обсчитала... та мировому подает...

Но уж тут Петр Николаевич обрывал красноречие Софьи Сергеевны... он не любил, чтобы «судачили»...

И когда раз она, по старой памяти, вздумала впасть в истерику, он живо отучил ее, сбежав к брату на двое суток. В этих случаях – теперь, когда прошла его страсть, – он был непреклонен. Его не останавливали ни ночное время, ни выюга, ни тридцатиградусный мороз.

«Характерец», – сквозь зубы говорила Софья Сергеевна.

А Петр Николаевич отвечал ей, – эдак лет шесть после свадьбы:

– Нет уж, сударыня, – я вам даю комфорт, удобства всякие, сытую жизнь... От вас требую одного: покоя...

Софья Сергеевна никогда не спрашивала себя, есть ли у мужа деньги, когда в хозяйстве оказывался изъян...

Она входила в гостиную, где он работал поздно вечером за письменным столом, и клала перед ним счета из магазина полотен и белья.

– Это что еще?.. – спрашивал он испуганно.

– У детей простыни развалились... Надо наволочки и из столового кое-что... Завтра пришлют за деньгами...

– Восемьдесят рублей?.. Да что ты, мать? Откуда я их возьму?..

– Вот чудак-то! – Она пожимала круглыми плечами. – Говорю: простыни развалились, полотенце нет... Опять чайные...

– Да как же это так вдруг сразу развалилось все?

– Ах... ну что ты понимаешь, Pierre? Не могу же я за каждой мелочью отдельно таскаться в магазин... Лучше en gros... Скидку делают...

– Чорта с два «ангро»... – мгновенно раздражался Петр Николаевич. – Хороша скидка! Ты бы еще на сто рублей счет представила... Что мне их тебе – родить, что ли, эти деньги? Откуда я их возьму?..

– Без наволочек тоже нельзя, – упрямо твердила свое Софья Сергеевна, отлично зная, что стоит на твердой почве, и что деньги будут.

– Слава Богу, развязались с бельем, – говорил Иванов на другой день, отсчитывая деньги. – Прошу меня теперь лет пять, по крайности, не беспокоить...

«Дурак, – думала, улыбаясь, Софья Сергеевна, – Точно дети не растут? Пять лет, – шутка сказать»...

Проходил месяц и опять новый счет.

– Это что такое?

– Пять пар башмаков... Приказчик ждет из магазина. У детей обуви нет...

Хуже всего было весной или осенью. Сразу требовалось пять или шесть пар калош, затем ботинок.

– Да ведь позволь... кажется, недавно?...

– В сентябре, – подсказывала Софья Сергеевна, – а теперь март... у детей ноги растут, или нет? Как ты полагаешь?

Конечно, он соглашался, что растут. Что-ж тут спорить? И так до бесконечности.

Всего страшнее счета были от Мюра, переходя за сотню. Там фигурировали осенние и весенние пальто мальчикам, бурнусы девочкам, муфточки, капоры, фланелевые штанишки, гетры, рукавички...

...У Петра Николаевича в глазах темнело.

– Ты меня без ножа режешь, Софья Сергеевна... Побойся Бога... Где я тебе такую сумму возьму?

– Я, Петр, не виновата... Я их пальто не ем, их башмаками не закусываю... – иронизировала она, вспоминая Щедрина. – Нечего, значит, меня и попрекать... Твои дети, не чужие... Любишь кататься, люби и саночки возить, – флегматично изрекала она.

– Да ведь катались-то мы оба, а плачусь я один, – озлобленно кричал Иванов. – В толк не возьму, как же у других людей, победнее?.. Все разве в магазине готового платья одеваются? Как же Ельниковы?.. Анна сама все делает... Почему же ты?..

Софья Сергеевна вставала и величественно приседала перед мужем, склоняясь в реверансе с той же грацией, как и двадцать лет назад перед попечителем института.

– Mercі, Петр Николаевич!.. У твоей Анны дети ходят, как нищие... Ну, а я своих в таких отрепьях на бульвар не выведу... Они у меня в гости ездят, на елку в порядочные дома... Да самое лучшее, отошлем все назад, в магазин... Пусть до лета сидят в комнатах, без воздуха... За то будет экономия...

И она уплывала из комнаты, высоко неся голову и раздувая красивые ноздри.

– Ну, прощай наградные! – с отчаянием думал Петр

Николаевич, мечтавший сшить себе новый сюртук, так как старый его весь лоснился и побелел по швам. – Теперь и к матери в Псков съездить не придется...

«Что за обуза семья, – говорил он себе в эти минуты. – Какой дьяволе толкает нас в эту западню?..»

Но если Петр Николаевич отчитывал свою Софью Сергеевну наедине, то никому, даже сестре Анне, которую они любил больше всей родни, он из самолюбия не позволил бы заикнуться о ней... Она его жена, и довольно... Его жена – святая женщина...

– Все буржуи так рассуждают, – возражала сестра Анна. – У них всегда жены святые... Почему не любить человека со всеми его недрстатками?.. Зачем дюжинную женщину тащить за уши на пьедестал? Послушать вас, мужей, мы только и окружены святыми женщинами и образцовыми воспитательницами... А жизнь доказывает другое... Нравственный и умственный уровень молодежи все понижается... Кто же виноват?.. Не одна школа... виновата и семья... Вот эти ваши святые женщины... И – прости меня, Петр... – Твоя Софья Сергеевна – прудоновская женщина, не больше... Знаешь? есть такой сорт женщин, – рыхлых, белых, сдобных... Одним словом, перинное счастье... Кичиться тут, право, нечем...

Сама она была такая желтая, худенькая, измученная, состарившаяся преждевременно среди нужды и самотоверженных забот, о семье, – была такая несчастная в браке, – что у Петра Николаевича язык не поворачивался обругать ее за эту желчную выходку, или удрать, схватив в охапку шапку, как, он это проделывал раньше со старухой матерью.

– И наплевать!.. – гремел Петр Николаевич, возбужденно бегая перед сестрой. – Мне не нужно другой... А все-таки Софья хорошая баба... Здорова, весела, хозяйка... На наряды не тратится, поклонников не заводит, детьми не тяготится...

– Все это отрицательные добродетели, Петр... Ты назови что-нибудь положительное... Ну, например, скажи, чем она интересуется?

– Ну так что ж?.. Она тоже смолоду читала, стремилась, работала и все такое... На все время... Все лучше, чем жена, которая по курсам и урокам шляется... а дети горбатые от недосмотра...

– Да ведь и ваши на няньках... да еще русских няньках... Дело – случая...

– Пусть... её глаз в доме нужен... При хозяйке все иначе идет... Те же няньки – шелковые...

– Словом, ты доволен?.. – усмехалась Анна.

– А, конечно, доволен... Язык у неё длинный?.. Верно... Но у кого этого нет?.. И мужчины судачат не хуже баб... А что она сама не зарабатывает, – и незачем... И своего – семейного дела – по горло... Что это за семья... наконец, где муж не кормилец и не глава?

– Это власть рубля, – только... – смеялась Анна. – Не даром вы за нее держитесь...

Петр Николаевич и смолоду относился скептически к женскому вопросу, а когда с годами кругом развелось столько дам – учительниц, врачей, чиновников, писательниц и даже... драматургов... (Ты, Господи, видишь, чего только нет!) – и когда его Софья Сергеевна неожиданно

оказалась в числе отсталых, – Петр Николаевич не только по своей консервативной натуре, но уже прямо из самолюбия стал ярким противником женской независимости. Он желчно радовался всякой выходке графа Толстого против высшего женского образования и как бы прятался за его авторитет. Кидти Левина – семьянинка и хозяйка – вот его идеал женщины.

И если случалось Петру Николаевичу так вдруг ополчиться на жену и упрекнуть ее под горячую руку в дармоедстве, – он скоро сознавал, что просто сорвал на ней сердце, и ему было совестно. Он старался помириться, заигрывал с надувшейся Софьей Сергеевной, с видом побитой собаки, жалко и виновато виляющей хвостом перед хмурым челом хозяина... Вот когда Софья Сергеевна подымала голову и чувствовала свою силу...

Но выходило как-то так, что после тринадцати лет, уверяя сестру в своем счастье и благополучии, – Петр Николаевич в глубине души все-таки оказывался ярким противником брака... Было тут что-то, с чем он не мог помириться, чего не мог простить кому-то... Хуже всего, что ведь и виноватого-то не находилось, а обида была на лицо... Та вопиющая социальная несправедливость, которую так оригинально осветил Глеб Успенский... Действительно: он, как корень, ушел под землю... Из цветущего человека стал какой-то жердью за десять лет брака, волосы и зубы стали падать, весь организм захирел и расшатался... Совсем как те старые пьянино, что таскают по дачам годами. С виду будто целы, а педаль гудит, клавиши щелкают, молоточки сломались, где мыши изгрызли замшу, где моль поела фланель... Музыкальные инвалиды...

Так и он... Вкуса к жизни уже нет. Еще лет десять – и он будет клячей. Кто подымет детей на ноги? У него навряд ли хватит сил дотянуть эту лямку... Вот он бежит еще сейчас, подгоняемый бичом беспощадной жизни, подбодряя себя, напрягая все силы, – но устает и теперь... а старые клячи не бегут, как бы ни свистал над ними кнут. Они только помахивают хвостом да укоризненно трясут головою...

Лучшие годы ушли на борьбу за право иметь семью. Теперь одна мечта – дотянуть до пенсии. А придет этот желанный день, и он будет уже руиной – без запросов и стремлений. И за границу не потянет, при первых лучах весны, когда греет солнце, так возбуждающе чирикают воробьи, так звонко бегут ручьи кругом... Какой прилив сил и любви к жизни чувствовал он всегда весною лет десять назад!.. И на Кавказ уже не зачем будет ехать, и мир Божий перестанет манить к себе его усталую, замученную чиновничью душу...

А жена цветет, жиреет, как пулярка...

– Не женитесь, – говорил он часто в семейном кругу своим молодым братьям, которых сам поднял на ноги и которым заменял отца. – Если хотите сохранить в себе здоровье, вкус к жизни, человеческое достоинство... порядочность, наконец... Семья все сожрет и оставит от вашего нравственного «я» один остов...

«Дурак», – снисходительно бросала Софья Сергеевна, если случалась тут.

А братья, глядя на высохшую, геморроидальную фигуру Петра Николаича, думали про себя, что он представляет не только нравственный, но и физический остов.

II

Как и следовало ожидать, Петр Николаевич принес к обеду пятьдесят рублей, и после тарелки щей, на этот раз особенно вкусных, благодаря личным хлопотам хозяйки на кухне, и после битков с луком, мастерски поджаренных в сметане (любимые блюда Петра Николаевича) – он мягко сказал жене:

– Нельзя ли только поаккуратнее, Соничка? Ей Богу, больше достать не откуда... хоть разорвись...

– Ну, конечно, Рieгге... Спасибо... Само собой, что буду экономить...

На другой же день, проводив Петра Николаевича на службу, Софья Сергеевна поехала на Кузнецкий, мост и в Охотный ряд. Это был канун жур-фикса, каждый час был дорог. Жур-фикс был вроде генерального сражения, исход которого зависел от случайностей и непредвиденных мелочей, вроде разрозненного сервиза, неудавшегося соуса, забытой деликатесы из царства закусок... Надо было все взвесить, предусмотреть, предугадать, наконец, и выступить перед гостями – врагами во всеоружии с девизом: иль на щите, иль со щитом... Мудрено ли, что даже хладнокровная Софья Сергеевна нервничала с утра, дала подзатыльника вертевшимся под рукой детям, сорвала сердце на прислуге и схватилась за висок... Лицо её, молодое, румяное и красивое, казалось теперь, после плохо проведенной ночи, изжелта бледным и слегка припухшим. Но уже сев на извозчика, она ощутила подъем нервов, как всегда перед покупками.

– На Кузнецкий, – сказала она мягкими альтовыми нотами и почувствовала опять, как хорошо жить на свете.

Минут через пятнадцать езды по свежее-выпавшему снегу, Софья Сергеевна очутилась в знакомой стороне: Кузнецкий, Неглинная, Петровка, пассаж и Мюр и Мерилиз...

Родные места... Это было поистине бабье царство... Сколько денег оставлено за манящими витринами этих роскошных магазинов! Сколько мечты, беспокойной и красивой женской мечты развеяно тут, пред пленительной выставкой этих переливчатых, сверкающих материй, кружев, лент, всех этих пустячков, наполняющих жизнь женщины такими светлыми, невинными радостями!... Софья Сергеевна умиленно вздохнула, и её большие глаза стали влажными от воспоминаний. На этих улицах прошла вся её жизнь, её лучшие минуты... Она видела себя институткой, на летних вакациях, бегущей в пассаж поглядеть на окна магазинов и постоять пред ними полчаса в сладком забвении, в дух захватывающем желаньи... Она видела себя стройной и юной, уже гувернанткой, бегущей сюда же на последние трудовые гроши купить галстучек, или кружевное fichu, или газовый шарф, пустяк, который давал тусклой жизни такую красоту... Она никогда не изменяла своей привязанности к родным местам... Живя то на Палихе, то у Земляного Вала, где-нибудь у чорта на рогах, как деликатно выражался Петр Николаевич, в далекие и счастливые первые годы их супружества, – Софья Сергеевна чувствовала себя всегда чужой, всегда равнодушной к окраине и стремилась душой на Петровку, каждый камень, каждый дом которой был ей знаком и дорог...

Сани остановились у посудного магазина Кузнецова.

– Подожди, – кинула извозчику Софья Сергеевна.

У неё была очень величественная осанка. «Королева» говорили о ней мужчины. – «Королева» шептали женщины.

Когда барыни с такими осанками входят в магазин, приказчики стремительно бросаются навстречу. У Софьи Сергеевны был к тому же талант покупать на пятьдесят копеек с таким апломбом, как будто она забирала на десять рублей. Но в этом магазине ее помнили, как хорошую покупательницу вообще, и потому удвоили внимание.

– Мне надо вазочку для варенья... – процедила она сквозь зубы. – Какую-нибудь изящную... поновее фасоном...

«Ничего больше не возьму», – твердо решила она про себя, помня обещание экономить.

Приказчик, молодой и женолюбивый, с огромным фальшивым изумрудом в галстухе, опрометью кинулся к полке и выгрузил перед красивой дамой, по крайней мере, дюжины две вазочек.

Волоокая Софья Сергеевна подняла взор кверху, и он заискрился. Боже мой, как она любила посуду!.. Если б не было стыдно, она готова была бы часами сидеть тут и любоваться этими изящными рисунками по фарфору и фаянсу, этим хрусталем. Вдруг она вспомнила, что у них разрознены рюмки... Ольга разбила штуки три да прошлом жур-фиксе... Стаканов может не хватить, если опять будут играть на три стола...

Приказчик читал в её душе и с улыбкой подавал ей воздушные, хрупкие, как девичья мечта, стаканы с тонким узорчатым ободком...

– Заверните... – прошептала она с таким выражением, как другая сказала бы: «поцелуйте»...

– Сколько-с?... – в тон прошептал и приказчик близко наклоняясь и заглядывая ей в глаза, как заговорщик.

– Дюжину...

– Мало-с... Меньше двух нельзя...

Она с блуждающей улыбкой кивнула головой.

Приказчик махнул мальчику и стаканы исчезли с прилавка.

К стаканам были поданы такие же тонкие блюдца... Рюмки долго занимали воображение Софьи Сергеевны. Все казалось ей недостаточно стильным и оригинальным...

«Довольно... Довольно...» кричал внутри голос благоразумия.

А приказчик, как бес-искуситель, уже выдвигал новую батарею рюмок, узеньких, стройных, длинных, как талия английских мирс.

– Отберите... – разнеженным звуком сорвалось у молодой женщины. – Две дюжины...

– Три-с, – решительно молвил приказчик.

Ей было стыдно торговаться. Эта любезность обязывала.

Кажется все?.. Вдруг она ахнула. Боже мой! Где же её голова? А блюдца-то к варенью? У неё ведь ужас что за блюдца... Она была больна и поручила купить Анне Ельниковой... И та ее наградила... За то, говорит, прочны... Действительно... Ей вспомнились блюдца в доме инженерши Анны Денисовны. Со стыда сгорим при ней за эдакия блюдца...

Вмиг прилавков засверкал хрусталем.

Но угодить на Софью Сергеевну было нелегко. Она перерыла весь магазин, пока, не нашла таких, как у Анны Денисовны... Точь в точь... Ну что за прелесть!

Она благодарными, нежными глазами глядела на приказчика... А он уже предлагал масленку, такую оригинальную... И молочник необыкновенной красоты...

У них давно уже подают к чаю такой безобразный кувшин, с отбитой ручкой...

– Заверните... – благосклонно сказала она.

А на прилавке уже стояли тарелочки для закуски... совсем простенькие, белые, с веткой лиловой сирени... Одно изящество... Меньше двух дюжин купить нельзя... У них давно разрознен сервиз...

– Сударыня, взгляните... последняя новость...

– Нет, нет... Я больше не могу!.. – крикнула она, вдруг опомнившись... – Я ничего не возьму.

– Вы только взгляните-с... Потому что у вас есть вкус... Вы умеете ценить такие вещи... Сервиз чайный... Последняя новинка...

И свирепо скосив глаза на зеленого и худого зазевавшегося мальчика, приказчик прорычал ему:

– В левом углу, вторая полка... № 58... Живо...

Софья Сергеевна твердо решила только взглянуть... Но когда перед ней появились тонкие, белые, как снег, чашечки, напоминавшие тюльпан, с широким бледнозеленым ободком, она почувствовала, как тает её благоразумие.

Боже мой! Какая красота!.. И только двенадцать рублей?.. Это прямо задаром... А у них-то сервиз... Когда покупали?.. Дай Бог памяти. Да лет пять никак?.. Надменное лицо Анны Денисовны всплыло перед ней...

– Заверните...

Подали счет в тридцать рублей...

– На дом прикажете прислать?.. – бархатными нотами спрашивал приказчик раскрасневшуюся, смущенную Софью Сергеевну.

– Нет, благодарю вас... Я заеду сама...

«Конечно, это было не совсем осторожно», думала Софья Сергеевна, направляясь в Охотный ряд. – Муж просил поэкономить... Уж очень они зарвались этот год с жур-фиксами, поддерживая связи... Да и прошлый год вдвоем с мужем проиграли около пятисот рублей в винт... По всем лавкам задолжали... Но ведь что будешь делать?.. Без хрусталя тоже нельзя... особенно когда к себе зовешь людей... А без связей разве найдешь место? Разве сделаешь карьеру? Лишь бы вот завтра не проиграться Пьеру, тогда как-нибудь, авось, дотянут до жалования... У няньки призанять можно десяточку... Эти инженеры меньше как по двадцатой играть не станут... мелькали мысли вразброд. Но у знакомой лавки все сомнения улетучились.

Даст Бог, обойдется... решила Софья Сергеевна, вылезая из саней.

III

Она вернулась к обеду с тремя кулками и ящиком посуды, уставшая и слегка раздраженная, заплатив целый рубль продрогшему извозчику. Но тот был недоволен и просил накинуть хоть гривенник.

– Ты с ума сошел?.. – грозно спросила его Софья Сергеевна и сверкнула красивыми глазами.

– Никак нет, сударыня... В шесть местов заезжали... Нешто вы рядились?

– За восемь гривен рядилась, даю рубль... Вот народ!..

– Замерз весь... Хоть скотинку пожалейте, сударыня... Не жрамши сидим... сами знаете, время какое?..

– Ах, отстань пожалуйста... Это просто бессовестно! Ольга, берите кулки! Да осторожнее вот этот ящик... здесь посуда...

Как на грех подоспел Петр Николаевич.

– Что тут такое?.. – спросил он, переводя глаза с красивого, молодого лица жены на рябую, заветренную физиономию извозчика.

А тот уж тащил как-то сзади наперед свою шапку и начинал сызнова свою канитель.

– Почитай два часа ездили... Рядились в Охотный, а потом на Кузнецком час дожидался... Пожалейте, барин, скотинку...

Петр Николаевич весь сморщился, словно уксусу хлебнул, пошарил в портмоне и, запахнув шубу, разведавшуюся на ветру, сунул извозчику серебряную монету.

– Что это, Петр... Ты никак рехнулся?

– Дай тебе Бог здоровья...

Извозчик выхватил кнут, ударил заморенную лошаденку, с запавшими потными боками, и санки скрылись из переулка.

– Охота разговаривать из-за пятиалтынного, – брезгливо заметил Петр Николаевич, подымаясь по лестнице казенной, квартиры.

– Нет, это просто возмутительно... Ты только развращаешь их такими подачками... И потом – это никаких денег не хватит. Я дала двадцать копеек сверх уговора... а он еще... Хорош хозяин... – твердила она, раздеваясь в передней.

– Ну да ладно... Будет... Авось не пообедем...

– Ты всегда, всегда на смех...

В её голосе слышалась дрожь.

– Да будет тебе, Софья Сергеевна! – прикрикнул Иванов. – Испортъ еще весь вечер мне из-за пятиалтынного... Вот бабы-то!.. Считай, что нищему подала... для спасения души... Не тот же он нищий?.. Тьфу... кончится тем, что сбегу на весь вечер...

– Я нищим таких денег не раздаю... – язвительно возразила она. – У нас пять человек детей...

– Ольга!.. Шубу!.. – загремел Петр Николаевич, бросаясь в переднюю.

Вышел маленький скандалчик, но кончилось все-таки миром. Софья Сергеевна вовремя повисла на рукаве у мужа и не дала ему уйти.

Тем не менее воспоминание о пятиалтынном сосало ее до вечера, придавая колорит раздражительности её обыкновенно флегматичному тону.

Но вечером, накануне торжественного дня, Софья Сергеевна приобрела опять душевное равновесие.

Перед отходом ко сну, сидя на двухспальной кровати в теплой вязаной юбке и широчайшей белоснежной кофте она совещалась с кухаркой, под каким соусом подавать севрюжину; но Софье Сергеевне очень хотелось вовлечь в этот интересный, важный разговор и мужа.

Петр Николаич, схватившись за щеку, терзаемый зубной болью, нервно шагал по амфиладе комнат и с нетерпением ждал, когда, наконец, ему дадут лечь в постель. Ему почему-то казалось, что стоит ему лечь (и непременно среди тишины), – стоит согреть дергавшую щеку, как мгновенно прекратится эта мучительная боль.

– Я думаю, что следует сделать соус провансаль... Pierre... А?.. Как ты полагаешь?

– М-м... – доносилось из кухни неопределенное мычанье.

– И знаешь почему?.. Анна Денисовна... ведь она себя за образцовую хозяйку выдает... Так она спорила со мной на той неделе, что дома ни за какие деньги настоящего провансаля не получишь...

– Как, матушка барыня, не получить?.. Коли ежели хорошая кухарка, да все в плипорции...

– Нет... Она стоит, на своем, что никакая кухарка, – хоть будь она разбелая, – не сделает провансаля... А по книжке и подавно... Вот я и решила ей завтра нос утереть, – вдруг повысила Софья Сергеевна свое жирное контральто. – То-то сконфузится... то-то озлится... Слышишь Пьер?..

– Мм...

– Значит так, Агафьюшка... Индейку с яблоками, севрюжину с провансалем... С утра намочишь селедки и все приготовь для гарнира... Я сама уберу... И соус завтра сама буду делать...

– С шкаперцем? – меланхолически спросила Агафья, стоя в дверях, с сложенными на животе руками и склоненной на левый бок головой.

– Да, с капорцами и оливками... Я уж их купила... Помнишь, Пьер, какой соус я делала к твоим именинам?.. Пальчики все гости облизали... Еще тогда тетушка твоя...

Вдруг на пороге гостиной вытянулась длинная, сухая фигура Петра Николаевича. Округлившиеся глаза его прыгали от злости.

– Да провалитесь вы... со всеми вашими тетушками и провансалями!.. – яростно закричал он и судорожно затряс сжатыми кулаками. – Дайте хоть на минуту покоя!.. Я повеситься готов...

Излияния замерли на устах Софьи Сергеевны. Она сделала кухарке таинственный знак, и та исчезла беззвучно, захватив мимоходом шерстяную юбку хозяйки и бариновы штиблеты.

Петр Николаевич моментально разделся, сбросил войлочные туфли «шептуны» и юркнул под одеяло. Наложив на ухо «думку» жены, он старался забыться. Но дрожь пронимала его все сильнее.

Софья Сергеевна не спеша разделась и с наслаждением растянулась своим холемым большим телом на чистом белье, пахнувшем фиалкой. Спать на одной кровати можно было только на боку, а потому Софья Сергеевна повернулась к мужу спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.